

Осенью 1913 года молодой крымский поэт Георгий Шенгели познакомился с приехавшими в Керчь на «олимпиаду футуризма» поэтами Игорем Северяниным, Давидом Бурлюком, Вадимом Баяном и Владимиром Маяковским, к которым он пришёл на встречу в гостиницу «Приморская». О том, как всё это произошло, через очень много лет написал сам Шенгели:

“Я – гимназист старшего класса, через полгода – студент! Я пишу стихи. Их многие пишут: Юра Брженчковский, Федя Мишинов, Женя Сиринов, Женечка Массино. Но я один – футурист.

Раннее утро; я спешу в гимназию. По главной улице – вереница извозчиков: прибыл утренний поезд. В одном из фаэтонов, – вижу мельком – какие-то бритые джентльмены, фаэтон поворачивает налево за угол: едут в «Приморскую» – лучшую гостиницу городка.

Проходит три часа, закончены уроки, наступает «большая перемена»: час досуга. Позавтракав в гимназическом буфете, где за семь копеек дают весьма приличный бифштекс, я устремляюсь на бульвар, надеясь повстречать хорошенькую гимназисточку и эпатировать её чем-нибудь. На углу афишная витрина. Я бегло гляжу и вдруг застываю:

ПЕРВАЯ ОЛИМПИАДА ФУТУРИЗМА

Состязаются:

Игорь Северянин

Владимир Маяковский

Давид Бурлюк

Вадим Баян

Дальше – всякие «занятности» – оглушительные тезисы докладов и пр.; цены местам...

Я читаю и перечитываю – «Игорь Северянин»! Я уже с жадностью проглотил «Громокипящий кубок»; половину запомнив наизусть (память у меня «клинописная»); я чуть не наизусть знаю фельетон Чуковского о Северянине (в 1943 г. я удивил Корнея Ивановича, сказав ему несколько фраз из этого фельетона). «Владимир Маяковский»! Это имя я уже не раз встречал в «Журнале для всех» под непонравившимися мне стихами, которые, впрочем, я тоже помню наизусть. «Давид Бурлюк»! Это имя встречал я: да! Он ходил с раскрашенным лицом... «Вадим Баян»?.. Но мне нравится и то, что он – Вадим, и то, что – Баян, и то, что он будет читать «Лирионетты и баркароллы».

Пойду, пойду на «олимпиаду»! Хотя... гимназистам, верно, не позволят. Ну, конечно, в штатском проберусь на галёрку; «Араб» (гимназический педель) туда не пойдёт; если пойдёт, так Герман (милейший и кротчайший Герман Готфридович Беме), а это – свой человек. Пойду!

И вдруг меня осеняет прозрение: да ведь те бритые джентльмены, проскользнувшие мимо моего рассеянного взора в «Приморскую», и есть, несомненно, *они* – Северянин, Бурлюк, Маяковский, Баян!

И я мгновенно принимаю великое решение.

Гимназия – к чёрту! Гимназисточка – по боку! Я сейчас иду в «Приморскую»! Пойду к ним!.. Я прочту им... мои стихи!..

У меня колотится сердце; я мчусь по липкому осеннему тротуару.

«Приморская». Вхожу в вестибюль. На чёрной доске постояльцев мелом написаны фамилии: Дурацевич... Попандопуло... Бурлюк... Номер такой-то.

Иду по красной дорожке пустынного коридора. Вот этот номер. У меня холодеют пальцы. А вдруг они меня не примут? А если они скажут, что мои стихи плохи, что я бездарность? Уйти?

Нет! – и я сильно стучу в дверь. За дверью слышна какая-то суета, движение. И только через полминуты резкий и повелительный голос произносит:

– Войдите.

Вхожу. Обыкновенный «роскошный номер» провинциальной гостиницы. Справа диванчик, перед ним стол, окружённый стульями, слева ширмы. На диванчике сидит человек в коричневой куртке с бронзовыми плоскими пуговицами, украшенными изображением якоря. У человека чрезвычайно длинное лицо. По ту сторону стола, лицом ко мне, сидит другой, в широкополой шляпе, надвинутой на лоб. У него тяжёлая челюсть, нахмуренные брови, тёмные, желчные воловьи глаза... Третий человек стоит посреди комнаты. На нём расстёгнутый сюртук, бархатный зелёный с рельефными разводами жилет. У него круглая голова, оттопыренная губа. Он смотрит на меня в лорнет. Глаза у него колюче сверкают. Четвёртого в комнате нет.

Я лепечу:

– Могу я видеть г-на Бурлюка?

Человек с лорнетом коротко взлаивает:

– Я.

Называюсь, прошу извинить беспокойство, излагаю – зачем пришёл. Человек с лорнетом прячет его в карман жилета и протягивает мне руку:

– Очень приятно. Знакомьтесь.

Я поворачиваюсь к длиннолицему человеку. Он деревянно протягивает мне узкую руку и чеканит:

– Игорь Северянин.

...Так вот он какой!..

Человек в шляпе убирает пятки со стола и забирает мою руку в мягкую теплую ладонь и басом рокочет:

– Владимир Маяковский.

...Так вот он какой!..

Из-за ширмы выходит четвёртый: голубоглазый, остроносый, с пышными вьющимися волосами. На нём щегольская визитка, бриллиантовые запонки в манжетах, жемчужины в крахмальном пластроне, из-под жилетки впродоль выреза голубеет муаровая лента.

– Вадим Баян, – говорит он приветливо, подавая мне вялую, бескостную руку.

...Так вот он какой!..

Бурлюк сразу меняет тон, становится простым, усаживает меня к столу, звонит, заказывает кофе, не внемля моим отчаянным клятвам в том, что я ничего не хочу, — и засыпает меня расспросами о городе, о публике, о молодёжи, и её читательских интересах. При нём все безмолвствуют.

Наконец, Северянин прерывает молчание; видно ему наскучила эта беседа:

— Прочтите стихи.

Я читаю. Фурора они не производят, но я чувствую, что меня слушают без иронии, что меня — слушают.

— Прочтите ещё.

Читаю. И ещё.

Северянин говорит:

— Вы правильно читаете, только нужно ещё больше петь.

Я читал, как все поэты, слегка нараспев, что в гимназии всегда вызывало насмешки, а преподавателя словесности просто било по нервам, и он никогда меня не выпускал читать на гимназических вечерах.

Маяковский сказал, перекатывая сигару из одного угла рта в другой:

— Есть места. Вот у Вас «голос, хриплый как тюремная дверь»; это ничего; это образ...

Жизнь определилась в этот миг. Я уверовал, что я поэт и что я прав, любя слово, ритм и звук... Северянину понравились «часы, где вместо стрелок ползают серебряные черепахи», — и его замечание не было только любезностью, так как года через четыре эти черепахи появились у него:

Как серебряные черепахи,

В полдень проползают серны...

Милый мой Игорь! Он не похищал у меня образа, он просто забыл, что запомнил его, и нашёл у себя как свой.

Совершенно влюблённый в моих новых друзей, я стал откровениваться. И вдруг Бурлюк сказал мне, что сегодня они идут в театр, уже заказали ложу и будут рады меня в ней видеть.

Значит... значит, я действительно им (или хотя бы ему) понравился..."

Первая пробная книга, которую Шенгели выпустил сразу же по окончании гимназии, называлась «Розы с кладбища» (1914), и впоследствии, беспощадно требовательный к себе, он разыскивал повсюду экземпляры этой книжки и тут же уничтожал её. Кни-

га носила откровенное влияние творчества Игоря Северянина и была украшена посвящением Евгении Добровой, к которой он тогда пробовал свататься, но получил отказ. Похоже, что его распирала горевшая в нём молодая энергия, и это толкало его на раннюю женитьбу.

Юрий Карлович Олеша однажды вспоминал о вечере Северянина и Шенгели: «Первая моя встреча с Георгием Шенгели состоялась тогда, когда я, будучи мальчиком, но уже чувствуя, что в мире есть поэзия, и уже понимая краем души, что я буду служить ей, увидел его на сцене театра в Одессе – давно, давно, когда он выступал как докладчик о творчестве Северянина и как чтец своих стихов. Он поразил меня, потряс навсегда. В чёрном сюртуке, молодой, красивый, таинственный, мерцая золотыми, как мне тогда показалось, глазами, он читал необычайной красоты стихи, из которых я тогда понял, что это рыцарь слова, звука, воображения...»

Весной 1916-го года у Георгия вышел новый поэтический сборник «Гонг», который имел огромный успех. В этом году состоялось его выступление в зале Городской Думы в Петрограде вместе с Игорем Северяниным, где он бисировал 14 раз (!), и сотни экземпляров его сборника были буквально раскуплены там за один вечер.

Ранние стихи молодого Шенгели находились в заметной степени под влиянием пленившего его своей музыкальностью «учителя» – Игоря Северянина, который, по его словам, «обладал самым демоническим умом, какой я только встречал», но позднее Георгий перешёл к более аскетической стилистике, демонстрируя отточенную технику и литературную эрудицию. Что же касается Северянина, то, по свидетельству Шенгели, он никогда (за редкими исключениями) ни с кем не говорил серьёзно: «Ему доставляло удовольствие пороть перед Венгеровым чушь и видеть, как тот корёжится «от стыда за человека». Игорь каждого видел насквозь, непостижимым чутьём, толстовской хваткой проникал в душу, и всегда чувствовал себя умнее собеседника, – но это ощущение неуклонно сопрягалось в нём с чувством презрения. Вы спросите, – где гарантия, что и меня не рядил он в дураки? Голову на отсечение не дам...»

В 1916–1917 годах Георгий Шенгели был приглашён Игорем Северяниным в турне по городам России, Украины и Кавказа с предложением читать в каждом городе о нём доклады, а также читать свои собственные стихи. В одном из своих стихотворений Северянин так написал об этих выступлениях в своём сборнике «Соловей» под названием «Георгий Шенгели»:

Ты, завсегдатай мудрых келий,
Поющий смерть; и я, моряк,
Пребудем в дружбе: нам, Шенгели,
Суждён везде один маяк.

Надо отдать должное, Северянин уловил в младшем собрате по перу тягу к высокому искусству и вкусовое пристрастие к теме смерти...

Предложенная им поездка длилась в течение всего 1916-го и первой половины 1917 года, в неё входили города Петроград, Москва, Одесса, Кутаис, Тифлис, Баку, Армавир, Екатеринодар, Новороссийск, Ростов, Таганрог, Харьков, Батуми... Проходивший в каждом из этих городов поэзоконцерт (или поэзовечер) открывался докладом Шенгели о творчестве Северянина – «Поэт вселенчества», после чего ещё читался доклад о каком-нибудь интересном зарубежном поэте, вроде Верхарна, затем выступали кто-то из артистов, а в завершение вечера читал свои поэзы сам Игорь Северянин.

Вот как описывала один из таких поэзоконцертов газета «Тифлисский листок» в статье «1-й вечер Игоря Северянина» в № 23 за 28 января 1917 года:

“Вечер открылся чтением лекции г. Шенгели, ознакомившим обширную аудиторию с разными течениями современной русской поэзии и с основными мотивами творчества Игоря Северянина, ярким апологетом которого является лектор.

Как содержание лекции, так и изложение её вполне положительно, красиво, обстоятельно. Единственным дефектом этой лекции надо считать некоторую тенденцию г. Шенгели возвысить своего любимца, Игоря Северянина, не только за счёт современных писателей, как, например, Валерия Брюсова, на которого он поминутно замахивался, но и за счёт Некрасова. Это, по нашему мнению, не этично, тем более, что г. Шенгели разъезжает с г. Северяниным вместе, и в данном случае как бы говорят в один голос...

Затем г. Шенгели прочёл свои стихи, из которых особенно хороши: «В аметистовом сумраке», «Мне было пять лет» и много других на бесконечные «бис» публики. Стихи г. Шенгели красивы, поэтичны, полны чувств и создают желанное автору настроение. Поэта наградили аплодисментами и цветами. Кроме того, г. Шенгели, кстати сказать, прекрасный декламатор, прочёл с большим подъёмом чувств несколько прекрасных стихотворений Игоря Северянина”.

В харьковской газете «Южный край» за 19 февраля 1917 года появилась статья под фамилией А. Станкевича – «Поэзовечер Игоря Северянина», в которой он писал: “...Далее прочёл несколько своих стихотворений из сборника «Гонг» Шенгели – выбор и исполнение были удачны. И, наконец, наступил центральный момент, и появился сам Игорь Северянин, встреченный бурными аплодисментами...”

Газеты с удовольствием отмечали впечатление, оставленное от выступлений не только Игоря Северянина, но и Георгия Шенгели: “Краткий сжатый доклад «Самураи духа», прочитанный на этот раз Г. Шенгели, был очень интересен. Самураи, по определению Г. Шенгели, есть люди, сочетающие в себе все стороны человеческой души, самураи духа – это символ слияния всех качаний жизненного маятника; таков Генрих Гейне; таков Пушкин, горячим поклонником коего является докладчик; Пушкин, сочетавший в себе и Шекспира, и Байрона, предвосхитивший идеи Верхарна и Верлена; Пушкин, один из тех поэтов, кто является равнодействующей между мирозерцанием и мироощущением. Ну, а третьим самураем Г. Шенгели считает принёсшего «новое пушкинство» – Игоря Северянина!”

Оглядываясь на события тех головокружительных лет, сам Георгий однажды вспоминал: “Через несколько месяцев Северянин и я очутились в Баку; там должны были состояться два или три наших вечера. Из газеты мы узнали, что в Баку находится и Брюсов, читающий там публичные лекции по древней истории Востока. Оказалось, что Брюсов живёт в той же гостинице, где остановились и мы.

Северянин был с Брюсовым в ссоре: Брюсов напечатал о нём весьма разгромную статью (и, бесспорно, во многих отношениях несправедливую), а Северянин ответил стихотворением, где были такие строки:

Вы, чьи стихи – как бронзолывы,
Вы поступаете бесславно;
Валерий Яковлевич! Вы –
Завистник, выраженный явно...

Северянин был также не прав. Брюсовская «агрессия» была продиктована не завистью, а другим, более спорным и благородным, хотя тоже злым чувством. Брюсов одним из первых оценил блестящий талант Игоря, поехал в Петербург знакомиться с ним (это было ещё до «Громокипящего кубка», в 1911 году), писал ему

письма (я сам их видел у Северянина), где говорил: «Вы и ваша группа сейчас – самые молодые в России; прошу считать меня среди вас» (цитирую по памяти, но за смысл ручаюсь). Но тот путь, которым двинулся северянинский «эгофутуризм», был избран не по брюсовскому компасу, – и Брюсов понял, что его любовь была «ошибкой». У Брюсова есть строки, обращённые к Белому:

Я верил многим, я проклял многое
И мстил неверным в свой час кинжалом.

И брюсовская статья была именно этой «местью неверным».

Раздражение Северянина, вызванное брюсовской статьёю, давно улеглось, резкость его ответа, написанного сгоряча, стала казаться чрезмерною, и Северянин пожелал помириться с Брюсовым. Но, будучи болезненно-гордым и самолюбивым человеком, больше всего опасаясь подозрений в робости или в заискивании, он боялся сделать первый шаг – и возложил на меня дипломатическое поручение: пойти к Брюсову, разведать его нынешнее отношение к Игорю и постараться устроить «случайную встречу», при которой они могли бы объясниться.

Я узнал, в каком номере живёт Брюсов, и постучался к нему. Брюсов сидел один, в своём неизменном сюртуке и мраморном высоком воротничке, левой рукой перелистывал какую-то книгу на армянском языке, а правой делал из неё выписки по-армянски же.

Меня он дружелюбно приветствовал, усадил и горячо заговорил о том, какой прекрасный поэт Саят-Нова. Воспользовавшись первой паузой, я приступил к выполнению моего поручения. Но я решил обойтись без дипломатии. Брюсов был слишком крупным человеком, чтобы его можно было оскорбить экивоками и намёками. Я сказал просто:

– Северянин хочет с вами объясниться и помириться, но ему страшно, что вы превратно поймёте его решение. Я должен вас заманить куда-нибудь, где вы с ним встретитесь.

Брюсов улыбнулся своей доброй улыбкой и сказал:

– Какие глупости! Я охотно сам к нему пойду. Идёмте.

Он пружинно поднялся, аккуратно убрал свою работу и, предводимый мною, прошёл в номер к Северянину. Северянин не ожидал столь быстрого успеха моей миссии. Побледнев, он встал навстречу Брюсову. Они обнялись. Я ретировался в свой номер, не желая мешать объяснению.

Через час ко мне постучался официант и сказал, что меня просят в ресторан при гостинице. Я спустился.

В особой ложе ресторанный зала за накрытым столом сидели, оживлённо и дружелюбно беседуя, Брюсов и Северянин, жена Северянина и Иоанна Матвеевна Брюсова, остроумная и насмешливая, которую я видел впервые и которой был тут же представлен. Меня приветствовали как «ангела мира», налили мне бокал шампанского (бутылки стояли в сторонке на стуле, стыдливо завешенном салфеткой: спиртные напитки были запрещены) и немедленно заставили читать стихи.

Амфитрионом этого маленького мира был какой-то безукоризненно одетый джентльмен восточного типа, оказавшийся местным меценатом, богачом Арутюновым (кажется, я не ошибся в фамилии). Он приехал к Северянину просить его посетить вечером устраиваемый Арутюновым банкет, где будут армянские писатели и вообще весь бакинский *mond* вплоть до адмирала, командующего каспийской флотилией. Покуда же, восхищённый встречей также и с Брюсовым, он устроил завтрак.

Читал стихи я, читал Северянин. Брюсов слушал внимательно, вскинув голову и недвижно уставив свои огромные глаза в какую-то точку в пространстве, изредка роняя слово одобрения рифме или ритмическому ходу. Сам читать свои стихи не пожелал, но, уступая общему натиску, прочёл несколько переводов из Саят-Новы – к полному восторгу Арутюнова.

<...>

Мне очень понравилось брюсовское нежелание хоть в чём-нибудь идти навстречу меценату. Северянин потом рассказывал мне, что Брюсов объяснял свои нападки на него в пресловутой статье досадою на то, что он, Северянин, первоклассный поэт, небрежничает в работе и как будто потрафляет вкусам публики. Публика же, по мнению Брюсова, «ничего не понимает...»

В эти годы Шенгели весьма активно учится поэзии у Игоря Северянина, Валерия Брюсова и Макса Волошина. В 1917 году он издал (если учесть уже два издания его «Гонга») свою шестую книгу стихов «Апрель над обсерваторией», а также первую свою научную работу «Два “Памятника”» – о Пушкине и Брюсове, то есть об их стихах с одинаковым названием. При этом он помирил в Баку Брюсова и Северянина, как мы уже знаем, а в 1918 и 1919 годах выпустил седьмой и восьмой сборники стихов «Раковина» и «Еврейские поэмы», а также издал свои переводы 40 сонетов французского поэта Эредиа, в которых он использовал опыт художественного перевода Максимилиана Волошина.

Шенгели помнил то время, когда Северянин был кумиром молодёжи и был избран «королём поэтов». В своём докладе «Самураи духа» в порыве воодушевления он ставил его в один ряд с Шекспиром и Пушкиным, Байроном и Гейне, Верленом и Верхарном, утверждая, что Северянин привносит в русскую литературу «новое пушкинство».

...Оставшись жить в Эстонии, Игорь Северянин так до конца своих дней и не выучил эстонский язык, первые годы ему всё переводила жена Фелисса, а когда он с ней разошёлся, стало намного тяжелее. Стало также тяжело издавать свои книги, и поэт сам писал в письме Шенгели: «Издателей на настоящие стихи теперь нет. Нет на них и читателя. Я пишу стихи, не записывая их, и почти всегда забываю».

С 1936 года он почти полностью перестал писать стихи: это стало незачем, так как никто их не печатал, да и напечатанные уже никто не покупал.

А к 1940 году здоровье Игоря Северянина резко ухудшилось, но денег не было ни на врача, ни на лечение, ни на саму жизнь. И потому без всяких политических причин, без лакейства и трусости он искренне, с огромной надеждой, как никто другой, был рад присоединению Эстонии к Советскому Союзу. Он писал Георгию Шенгели: «Я очень рад, что мы с Вами теперь граждане одной страны. Я знал давно, что так будет, я верил в это твёрдо. И я рад, что это произошло при моей жизни: я мог и не дожидаться: ранней весной я перенёс воспаление левого лёгкого в трудной форме. И до сих пор я не совсем здоров: постоянные хрипы в груди, ослабленная сердечная деятельность, усталость после небольшой работы. Капиталистический строй чуть совсем не убил во мне поэта: в последние годы я почти ничего не создал, ибо стихов никто не читал. На поэтов здесь (и вообще в Европе) смотрели как на шутов и бездельников, обрекая их на унижения и голод. Давным-давно нужно было вернуться домой, тем более что я никогда врагом народа не был, да и не мог им быть, так как я сам бедный поэт, пролетарий, и в моих стихах Вы найдёте много строк протеста, возмущения и ненависти к законам и обычаям старой и выжившей из ума Европы...»

В письме к Георгию Шенгели от 22 января 1941 года он написал: «Я хотел бы следующего: 5–6 месяцев в году жить у себя на Устьи, заготавливая стихи и статьи для советской прессы, дыша дивным воздухом и в свободное от работы время пользуясь лодкой, без которой чувствую себя, как рыба без воды, а остальные полгода жить в Москве, общаться с передовыми людьми, высту-

пать с чтением своих произведений и совершать, если надо, поездки по Союзу”.

Северянин торопился – писал мемуарные очерки, отобрал несколько десятков лучших стихов и отправил их Георгию Шенгели, надеясь опубликовать всё это в СССР.

Шенгели хотел поддержать своего друга и учителя и делал для этого всё, что мог. Он писал ему: “Я не мог не порадоваться, читая Ваши стихи. Прежняя певучесть, сила, прежняя «снайперская» меткость эпитета. Какой вы прекрасный поэт, Игорь Васильевич. И я больше чем уверен, что Вы ещё направите «колесницу Феба зажечь стопламенный закат», вспомните Тютчева, который лучшие стихи написал под старость, а Вам до старости далеко: 53 года всего...”

Несмотря на то, что Северянин сам в последние годы чувствовал увядание в нём «поэтической струи», он написал жене Георгия Шенгели – Нине Манухиной – в составе письма к ним обоим весной 1941 года из Финляндии, говоря ей: “Светлая Нина Леонтьевна, спасибо Вам за стихи – грустные и трогательные, изысканные и хрупкие. Отчего Вы бросили писать? Такие стихи нужны для небольшого круга ценителей. Это тем ценнее.

Берегите моего и своего друга!

Всего хорошего от Верочки и меня. Игорь».

Шенгели замышлял выпустить новый сборник стихов Северянина, но тут грянула война...

А судьба, между тем, приготовила поэту ещё одно испытание – тяжёлую болезнь, приковавшую его на месяц к постели. Сердце у него уже никуда не годилось, Игорь Васильевич задыхался и не мог выполнять никакую физическую работу. Из письма к Шенгели он писал: “У меня кашель, насморк, бессонница, и сердце таково, что ведра поднять не могу: задыхаюсь буквально”.

У него был туберкулёз, он всё сильнее болел, и 20 декабря 1941 года его не стало. Похоронили его в Таллинне.

Когда Северянин умер, то его смерть не прошла незамеченной. В Эстонии о печальном событии даже сообщили по радио. Поэт умер 20-го, а уже 21 декабря газета «Eesti Sõna» сообщила своим читателям: «Вчера утром в 10 часов в Таллинне умер русский поэт Игорь-Северянин, для которого Эстония была второй родиной. Писателю было 54 года». Газета добросовестно перечислила все заслуги покойного перед эстонской литературой, включая первую антологию эстонской поэзии на русском языке. Сообщение о смерти Игоря Северянина 24 декабря повторила газета «Postimees».

Удивительно, что смерть русского поэта даже для оккупированной Эстонии была трагической новостью. Есть в этом событии некая таинственная загадка. Было известно, что друг Игоря Северянина – Георгий Аркадьевич Шенгели – узнал о его смерти 10 или 12 марта 1942 года, находясь далеко за линией фронта, но как он об этом узнал, – неизвестно. “Не пришлось нам свидеться! – написал Георгий в письме своей жене Нине Леонтьевне, уехавшей в эвакуацию во Фрунзе. – 25 лет назад мы с ним простились на харьковском вокзале (как раз в марте 1917 года, на второй или третий день революции) и оказалось – навсегда”.

А уже 15 марта того же 1942 года Шенгели написал большое прощальное со своим другом стихотворение под названием «На смерть Игоря Северянина», которое звенело любовью и дружбой:

Милый Вы мой и добрый!
Мою Вы пригрели молодость
Сначала просто любезностью,
Там – дружбою и признанием...

Я помню Вас под Гатчиной
На Вашей реке форелевой
В смешной коричневой курточке
С бронзовыми якорёчками;
Я помню Вас перед рампами,
Где бурно поэзы пели Вы,
В старомодный сюртук закованы
И шампанскими брызжа строчками...

А 8 января 1946 года, с большим опозданием, через четыре года после смерти Игоря Васильевича Северянина, Георгий Аркадьевич Шенгели так откликнулся на все полученные от него ранее письма стихотворением «Вы приснились мне, Игорь», в котором он писал:

...Всё зачеркнуто сразу! Кислородный мой Игорь,
Чьим стихом перед смертью надышаться б я смог!
Значит, в Вас тоже пепел, та же выцветь и выгарь,
Те же гири на лире и на сердце замок!

За год до своей смерти Георгий Шенгели написал стихотворение, в котором он перечислил всех своих друзей, и даже не друзей (как, например, с Андреем Белым и Владимиром Маяковским он

не только не дружил, а даже воевал), а скорее – коллег по творчеству, с которыми он рядом шёл по жизни и литературе:

Он знал их всех и видел всех почти:
Валерия, Андрея, Константина,
Максимильяна, Осипа, Бориса,
Ивана, Игоря, Сергея, Анну,
Владимира, Марину, Вячеслава
И Александра – небывалый хор,
Четырнадцатизвёздное созвездье!..

Литературоведы нашей поры без всяких трудностей идентифицировали всех, кого вывел в своём стихотворении Георгий Шенгели. Это – Валерий Брюсов, Андрей Белый, Константин Бальмонт, Максимилиан Волошин, Осип Мандельштам, Борис Пастернак, Иван Бунин, Игорь Северянин, Сергей Есенин, Анна Ахматова, Владимир Маяковский, Марина Цветаева, Вячеслав Иванов и Александр Блок. Так или иначе, они все пересеклись с судьбами друг друга, оставив в них свои вольные или невольные следы...

Москва